

Вырезка из газеты

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

г. Москва

ОТ

1 ДЕК 1980
Газета №**Даниил ГРАНИН**

(ЛЕНИНГРАД)

Мы имеем возможность собираться все вместе с разных концов России не так уж часто, и поэтому хотелось бы сегодня говорить не только о радостях, успехах, но и поделиться какими-то своими раздумьями, размышлениями о самом главном и важном в нашем труде.

К концу жизни Пушкина в России уже строилась железная дорога. При Достоевском на улицах Петербурга вспыхнул электрический свет. А при Льве Толстом был уже кинематограф. Но Пушкин продолжал писать о стационарных зрителях, а герои Достоевского не задумывались над наступлением новой эры техники. И только в последние десятилетия, когда поток поразительных открытий человеческого разума проник во все сферы жизни, литература стала отзываться на эти всеобъемлющие изменения жизненного уклада.

Влияет ли НТР на литературу? А может, литература остается суверенной? Недаром так много и часто обсуждается ныне взаимодействие НТР и литературы. Здесь слышатся самые разные суждения, но характерен непрекращающийся интерес к этой проблеме. И этот интерес свидетельствует о том, что, очевидно, художник в силу своей отзывчивости, в силу драгоценного своего качества удивления перед мощью человеческого разума ныне уже не может оставаться безразличным к яростно меняющемуся облику жизни.

За последние годы появляется все больше книг, где жизнь науки и ученых раскрыта с подлинной драмой идей, а мир лабораторий и институтов предстает в поэзии и романтике творческого труда. В той же степени это относится и к заводской жизни, к героям инженерной технической мысли. Это очень сложно — ввести читателя в производственные будни современного производства так, чтобы это было интересно, чтобы при этом не потерять человека. И более того — чтобы произошло открытие героя в его привязанностях и страстях, потому что настоящая литература всегда прежде всего связана с открытием нового характера.

Еще большей трудностью на этом пути становится, на мой взгляд, чрезмерное наше преклонение, робость, слепое восхищение успехами и силой этой самой НТР. Увлеченные ее достижениями, мы не хотим замечать потерь и ранений, которые приносит она. Например, мы не заметили, как, по мере совершенствования полиграфии и издательского дела, срок выпуска книги увеличился, и во много раз. Ныне с того момента, как автор приносит рукопись издателю, и до выхода в свет, проходят не месяцы, а два или три года. Казалось бы, новая техника, а эта техника не сократила сроков выпуска книг.

Сегодня автору уже не позволено править верстку. Отнято это исконное право, и можно подумать, что машина командует человеком.

Говоря об успехах сельской темы в нашей литературе, нельзя не отметить: многое тут идет от того, что в ней, этой

теме, есть преимущество печали, гнева и любви. В так называемой городской литературе или рабочей теме, — в ней недостает боли и злости на то, как плохо мы работаем, гнева, который обуревают сегодня каждого честного труженика, когда он встречается с бесхозяйственностью, с воровством, с очковтирательством, равнодушием, ложью. Одного гнева здесь, конечно, недостаточно, одно обличение — это еще не искусство. Искусство требует, очевидно, еще и печали, и любви, в том числе и любви к городу, любви к заводу, к красоте и энергии заводской трудовой жизни.

Сила «Прощания с Матерью» Распутина в том, что любовь к земле предков и красоте родных мест порождает печаль и страдание от того, что они гибнут и уходят. Нечто подобное, разумеется, иное, но столь же трагичное, противоречивое существует и в городской жизни, и всегда было, и так чутко улавливалось русской литературой со времен Гоголя.

Противоречие научно-технической революции состоит в том, что она высвобождает человеку время для отдыха, облегчает труд, но она незаметно приучает человека к прагматизму и делает его излишне расчетливым, рациональным. А нравственность далеко не всегда требует мотивации.

Техника окружающая изменяется быстро и все быстрее, а человек изменяется медленно. Он становится образованнее, он умеет обращаться с более сложными машинами. Формируется рабочий нового типа, имеющий среднее образование, широкий профиль. Не завод готовит для себя рабочего, а государство готовит рабочего для промышленности. И вместе с тем это часто тот же подросток, с его незащищенностью, неумением жить, чувствующий несоответствие между могучей техникой, которая его окружает, и миром своих страстей.

Интенсификация производства, а вместе с тем и жизни создает некий духовный вакуум. Появляется дефицит искусства — человек чувствует нехватку красоты, нравственности, и люди пытаются как-то уравновесить искусством недостающую духовность. Всегда ли может современное искусство выполнить это требование? Конечно, оно стремится к этому. Отсюда в нашей прозе сегодня тяга к нравственным проблемам, к героям, исполненным внутренней жизни, к героям добра и мысли.

В своем докладе Сергей Владимирович Михалков вынужден был чаще других упоминать одного писателя, работающего в самых разных жанрах. Имя этому писателю — «и другие». Кто же он такой? Каждый из нас знаком с ним. Я тоже знаю его. Часто это очень интересный писатель. Он не попадает в сеть привычных разделов и тем, но, может быть, в этой его непохожести, отдельности, своеобразии и состоит его ценность? Оценка писателя, наверное, не должна зависеть только от того, насколько он идет в русле принятых тем. И, может быть, его непохожесть на всех других и есть его преимущество.

Чем дальше будет развиваться научно-технический прогресс, тем больше, я уверен, будет нужда в искусстве. Может, сегодня книгу теснят телевидение, кино, легкая музыка, но все равно ничто не заменит человеку книгу. И чем далее, тем больше общество наше будет нуждаться в искусстве, в поэзии, в прозе с их тайной, с их чудом воздействия, часто необъяснимым и единственным. (Аплодисменты).